
КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 30, 39

DOI: 10.31249/hoc/2024.03.16

Кулешова О.В.*

**Конференция «Память и повседневность в культуре и искусстве»
(к 300-летию Российской академии наук)
Обзорная статья**

Аннотация. Обзорная статья посвящена международной конференции «Память и повседневность в культуре и искусстве» (к 300-летию Российской академии наук), прошедшей 2–4 апреля 2024 г. в ИНИОН РАН. Автором предлагается выборка докладов, освещающих различные аспекты данной темы, что демонстрирует ее непреходящее значение и актуальность для исследователей как в исторической перспективе, так и в связи с острыми проблемами современности.

Ключевые слова: память; повседневность; ценности культуры; исторический процесс.

Поступила: 10.06.2024

Принята к печати: 30.06.2024

Для цитирования: Кулешова О.В. Конференция «Память и повседневность в культуре и искусстве» (к 300-летию Российской академии наук)

* *Кулешова Ольга Валерьевна* – кандидат филологических наук, заведующая отделом культурологии, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; kuleshova.o.v@gmail.com

Kuleshova Olga Valerjevna – PhD in Philology, Head of the Department of Cultural Studies, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kuleshova.o.v@gmail.com

наук) Обзорная статья // Вестник культурологии. – 2024. – № 3(110). – С. 258–270. – DOI: 10.31249/hoc/2024.03.16

Kuleshova O.V.

**Conference “Memory and everyday life in culture and art” (to the
300th anniversary of the Russian Academy of Sciences)
Review article**

Abstract. The review article is devoted to the international conference “Memory and everyday life in culture and art” (to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences), held on 2-4 April 2024 at the INION RAS. The author offers a selection of papers covering various aspects of this topic, which demonstrates its enduring importance and relevance for researchers both in historical perspective and in connection with the acute problems of our time.

Keywords: memory; everyday life; cultural values; historical process.

Received: 10.06.2024

Accepted: 30.06.2024

For quoting: Kuleshova O.V. Conference “Memory and everyday life in culture and art” (to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences). Review article // Herald of Culturology. – 2024. – No. 3(110). – С. 258–270. DOI: 10.31249/hoc/2024.03.16

Конференция «Память и повседневность в культуре и искусстве» (к 300-летию Российской академии наук) состоялась 2–4 апреля 2024 г. в ИНИОН РАН. Мероприятие прошло в очном формате с возможностью онлайн-участия и получилось очень масштабным. Выступили 143 докладчика, из них 88 очно. Среди них 27 докторов и 76 кандидатов наук из разных городов и регионов России (Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Нижнего Новгорода, Перми, Екатеринбурга, Тольятти, Калининграда, Воронежа, Казани, Ростова-на-Дону, Ярославля, Великого Новгорода, Кирова, Самары, Уфы, Твери, Рязани, Пензы и Иваново), а также Египта, Армении, Беларуси, Чехии, Италии и Японии. Наряду с маститыми учеными вы-

ступали и их молодые коллеги, только начинающие свою профессиональную деятельность.

Мероприятие получилось мультидисциплинарным, поскольку выбранная тема оказалась актуальной для ученых различных специальностей. С материалами конференции можно ознакомиться в видеозаписи на официальном YouTube канале ИНИОН РАН¹.

В рамках данного обзора невозможно рассказать о всех докладах. О масштабе мероприятия можно судить по многообразию тематики секций, работавших на конференции в течение трех дней (теоретические аспекты категории памяти; политика памяти; трудная память, память и ностальгия: XX век; институты социальной памяти и музейное дело; память и повседневность в рецепции русской литературы и кино; письма и дневники как резервуары памяти, мемуарный и правовой дискурсы в литературных и культурных практиках, визуальные аспекты памяти и повседневности; коммеморативные практики и повседневность; память и повседневность в культурах Азии и Африки, Африка в восприятии зарубежных исследователей; феномен памяти в европейских литературах, в том числе в литературе Германии; память и повседневность в европейской и американской литературной рецепции; фольклор и устная история как формы бытования памяти и повседневности).

В обзорной статье представлена выборка докладов, освещающих различные аспекты данной тематики. Таким образом, мы пытаемся показать непреходящее значение предлагаемой темы и актуальность ее изучения как в исторической перспективе, так и в связи с острыми проблемами современности.

Теоретические аспекты категории памяти представлены в докладе «Культурная память: утопический модус» д. филос. н. Е.В. Золотухиной (Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону). Проблема доклада – это проблема реалистичности культурной памяти и ее связи с состояниями настоящего и будущего. Докладчица рассматривает память и как живые воспоминания актуальных носителей, и как совокупность представлений о прошлом, которые закодированы в

¹ Международная научная конференция «Память и повседневность в культуре». – URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLsfIZ5Mz82NOj6SiVxUhwrTNPJ-6F1bKu> (дата обращения 09.07.2024).

разнообразных артефактах: литературе, кино, роликах в Интернете, посланиях, распространяемых через мессенджеры и т.д., называя их «освежителями» памяти или трансляторами впечатлений старших поколений новым. Культурная память, как видится автору доклада, осуществляет двойную утопическую функцию: во-первых, идеализирует прошлое и, во-вторых, проецирует идеализированный образ прошлого на грядущее, которое никак не может соответствовать условиям и обстоятельствам минувшего этапа. Чаще всего «утопическая память» также не включает в свой ретропроект социальных механизмов «возвращения прошлого». Однако она романтизирует картины прошлого, реанимирует переживаемые тогда чувства, стремится укрепить «связь времен».

Канд. пед. н. Е.В. Викторова (Пензенский государственный университет) в докладе «Феномен импресси́нга в призме представлений о формировании, сохранении и трансляции культурной памяти» поставила задачу рассмотрения сложного биосоциокультурного феномена импресси́нга прежде всего с социокультурных, аксиологических позиций, что, по ее мнению, подразумевает необходимость уяснения его роли в функционировании культурной памяти.

Импресси́нг трактуется как информационное воздействие социокультурной среды, оказывающее на личность такое впечатление, результатом которого становится ее устойчивое стремление к определенному виду творческой деятельности. Социокультурная значимость импресси́нга состоит в том, что активированные им творческие задатки человека могут привести к весомым результатам не только в его индивидуальной жизни, но и в развитии культуры и общества.

Предлагается взгляд на импресси́нг, с одной стороны, как на феномен, функционирование которого детерминировано содержанием, формами бытования и трансляции культурной памяти; с другой стороны – как на один из механизмов / инструментов формирования, сохранения и трансляции культурной памяти. Особый интерес, по мнению докладчицы, представляет соотношение коллективного и индивидуального в функционировании импресси́нга как социокультурного феномена.

Канд. ист. н. М.П. Кляус (Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) выступила с докладом «Болгарские коллекции в музеях сельских поселений Коми: проблема осмыс-

ления и сохранения культурной памяти места». В докладе освещается исторический проект сотрудничества СССР и Болгарии по освоению лесных богатств Коми АССР с 1967 до 1994 г. в Удорском районе Коми, в ходе которого были основаны четыре поселка городского типа – Усогорск, Междуреченск, Благоево, Верхнемезенск (уже не существующий на карте России) и сформировалась историческая память о «Коми Болгарии».

Автор доклада опирается на материалы экспедиции, обнаружившей болгарские коллекции в фондах и экспозициях школьных музеев, библиотек и домах культуры пгт. Усогорск, Междуреченск, Благоево, и рассматривает собрания шести музеев, обладающих самой интересной с научной и экспозиционной точки зрения коллекцией предметов, включающей редкие экспонаты по вышивке, ткачеству, кружевоплетению, резьбе по дереву, керамике, а также предметы быта, национальную одежду, фотографии, книги, предметы декоративно-прикладного искусства и многое другое. Автор высказывает тревогу за сохранность экспонатов, которые могут быть утрачены из-за ненадлежащего хранения, и выдвигает идею о создании в одном из поселков болгарского музея, в котором бы аккумулировалась значительная часть разрозненных коллекций, поскольку предметы культуры и быта в музейных собраниях являются бесценным источником для изучения и сохранения болгарского наследия в культурной и исторической памяти Республики Коми.

В докладе «Историческая и культурная память в Сицилии: носители и формирование» к. ист. н. О.Д. Фаис-Леутская (Центр европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН) рассказывает об особенностях бытования культурной и исторической памяти в Сицилии. По наблюдению докладчицы, основывающейся в том числе и на мнении других исследователей, Сицилию отличают прочные традиции коллективной исторической памяти, разделяемые представителями всех слоев населения, одинаково глубоко и детально знающими и интерпретирующими события локального прошлого (незвизая на различия социокультурных критериев оценки). Докладчица признает необычным эксперимент по созданию единства культурной памяти, искусственно насаждаемой «сверху» путем активного просветительства. Еще недавно сицилийское общество было предельно культурно стратифицировано: элита придерживалась традиций пре-

имущественно высокой, а преобладающие численно и социально низшие слои – исключительно народной культуры. В последние же десятилетия власти Сицилии, в рамках политики «латентного сепаратизма», в целях повышения статуса региона, культивирования чувства национального единства и воспитания гордости «за себя» при сохранении народного наследия взяли курс на глубокое, массированное и систематическое культурное информирование низов общества, приобщая их к достижениям древней высокой культуры. Опираясь на полевые исследования, докладчица делает вывод о том, что это еще незавершенное начинание, хотя и не привело пока к повышению образовательного уровня, но уже обнаруживает успешность в деле создания единой культурной памяти, что обусловлено прочными позициями коллективной исторической памяти (на вехи которой накладывается культурная информация) и единством идентитарных настроений в регионе.

В докладе «“Черное наследие”: трансформации коммеморативных практик африкано-американцев» к. ист. н. Н.Е. Хохолькова (Институт Африки РАН) констатирует неразрывную связь наследия с культурно-исторической памятью. В рамках доклада исследовательница обращается к феномену «черного наследия» в США, который рассматривает как совокупность материальных, культурных и исторических объектов и символов, созданных поколениями людей африканского происхождения в прошлом, представляющих ценность в настоящем и сохраняемых для будущего. Исследовательница подчеркивает, что репрезентация, интерпретация и популяризация как «черного наследия» в целом, так и его символов в частности осуществляется в рамках коммемораций – мероприятий, направленных на укрепление и трансляцию памяти о прошлом. В числе наиболее распространенных в среде африкано-американцев коммеморативных практик докладчица упоминает «19 июня» (Juneteenth), Месяц черной истории (Black History Month) и фестиваль Кванзаа (Kwanzaa) и раскрывает смысл, назначение и статус каждой коммеморации, неоднократно трансформировавшейся в соответствии с изменениями общественно-политического дискурса.

В докладе к. ист. н. А.А. Новика (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) «Крепость Гирокастры в Албании: музей и место памяти» в парадигме культурологии рассмат-

ривается роль крепости-музея Гирокастры, объекта культуры, включенного в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, в общественной и культурной жизни Албании в наши дни. Докладчик подчеркивает, что упоминавшаяся впервые в письменных источниках в XIV в. многократно перестраивавшаяся цитадель имеет для албанцев исключительную важность как значимый центр этнической, национальной и региональной культуры. Крепость стала местом для проведения фестиваля Гирокастры, проходящего раз в четыре года и собирающего фольклорные коллективы танцоров, певцов, сказителей из всех районов Албании, а также соседних стран, где живут албанцы, – Косова, Северной Македонии, Черногории, Греции, Сербии, и представителей диаспоры, обосновавшейся в странах Европы. Крепость является одним из самых посещаемых в стране музейных пространств, ей посвящены многочисленные научные исследования историков, археологов, антропологов и др. Автор доклада рассматривает сохранение крепости с позиций теории музеефикации, фольклоризации и культурной памяти.

В докладе к. полит. н. Н.А. Коровниковой (ИНИОН РАН) «Современное музейное пространство: новые технологии и практики» освещаются новые возможности и особенности современного музейного пространства. В ракурсе его технологизации рассматриваются характеристики «реального», «живого», «виртуального / цифрового» музея. Описываются основные этапы ИКТ-эволюции музейного пространства (внедрение и трансформация ИКТ, «умные технологии», «футуристические инновации»), а также обсуждаются типы и формы технологий, используемых в современной музейной деятельности (в том числе интеллектуальные технологии, мобильная связь, виртуальные сообщества, социальные сети и пр.).

Тема памяти и повседневности в литературе была раскрыта в многочисленных выступлениях, основанных как на русском, так и на зарубежном материале. В докладе А.С. Горюнова (ИНИОН РАН) «В соавторстве с цензором: цензура как повседневность и Backstage литературной жизни (на материале цензурных документов Комитета 2-го апреля 1848 года)» исследуется роль цензуры в создании литературных текстов XIX столетия, через которые, по мнению докладчика, можно услышать голос культуры прошлого. Это тексты, созданные в «ситуации цензуры», особенно обострившейся в «эпоху цензурного

террора» (по Лемке, 1848–1855), когда был создан «Комитет 2-го апреля 1848 года» – «высший комитет цензуры» над самой цензурой. В докладе цензура рассматривается с позиций концепции «читательских практик» Роже Шартье, где в цепочку автор-произведение-редакторы-наборщики-издатель-книга-читатель должно быть добавлено значимое звено – цензор, как представляется исследователю. «Ситуация цензуры» рассматривается как неотъемлемая часть культурной повседневности первой половины XIX в. Докладчик делает вывод о том, что в определенном смысле (как на уровне цензуры, так и на уровне более сложного феномена «самоцензуры») цензор может становиться соавтором опубликованного произведения.

Канд. филол. н. О.В. Кулешова (ИНИОН РАН) в докладе «“Неадекватность осознания былого” в эмигрантском творчестве Мережковского» концепт исторической памяти осмысливает сквозь призму эмигрантского творчества писателя. Эсхатологическое мышление, вера в исключительную роль Личности в истории, неверие в прогресс, концепция христоцентричного построения мира, понимание дыхания Духа Святого как движущей силы истории, духовные грезы Мережковского о мире, выражающиеся в том числе в расширении времени и отказе от здесь и сейчас ради вневременного, – все это предопределило восприятие исторической памяти писателем, постоянно обращавшимся к истории не ради прошлого как такового, но ради того, чтобы в прошлом отыскать приметы будущего, увидеть во всемирном закате истории надежду на будущее воскресение, отмечается в докладе.

Канд. филол. н. Т.Л. Скрабина (ГИТИС) в докладе «Исполнители разрушения» в сборнике В.М. Шукшина «Характеры» отмечает, что в рассказах В.М. Шукшина конца 1960–1970-х годов одной из главных тем становится тема разорения культурного пространства. Зброшенные и разоренные храмы, поваленные кресты, бурьян появляются в его прозе как символ безвременья, как опознавательная черта эпохи застоя. Переход в запустение и одичание совершается не сам собой, у него есть свои исполнители. В сборнике «Характеры» (1973), признанном шедевре Шукшина, писатель дает несколько таких типов, уничтожающих культурный слой: от неистового бригадира Шурыгина, куражу ради повалившего церковь XVII в., до охранителей культуры в рассказе «Мастер», убедительно доказывающих, что памятники не стоят того, чтоб их сохранять. В структуре сборника эти «исполни-

тели разрушения» предстают на фоне других персонажей, рангом поменьше, несущих одичание в массы: продавщиц, чиновников, прожектеров.

В докладе «Аффективная память и воспоминание во французском романе от барокко до рококо» д. филол. н. Н.Т. Пахсарьян (ИНИОН РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова) отмечает, что нарратив воспоминания постепенно вызревает уже по крайней мере со времен Средневековья и актуализируется в литературе XVII в. Топика «припоминания» присутствует в барочных романах д'Юрфе, Гомбервиля, мадемуазель де Скюдери и др. сочинителей этого периода. Структура романов барокко как «комода со множеством ящиков» предполагает, что основное, синхронное повествование от третьего лица сопровождается вставными историями от лица персонажей, излагающими предшествующие события своей жизни, отмечает докладчица. Ссылаясь на замечание Ж.-Ф. Перрена, она подчеркивает, что начало и конец фабул таких романов объединены «ловушкой воспоминаний». При этом основное содержание жизни героев этих произведений – любовные переживания, определяющие ход событий. Аффективная память органически включается в основную нарративную линию, усиливая сюжетный драматизм, галлюцинаторная мощь чувств героев создает атмосферу мифопоэтической «жизни памяти» (Ж. Эрманн). В XVIII в. сама жанровая форма романа-мемуаров, которую избирают преимущественно писатели рококо – Мариво, Прево, Кребийон и др., напротив, становится способом эмоционально-психологического отстранения от прежних переживаний. Герои романов-мемуаров, повествующие о собственном (также главным образом любовном) прошлом, способны давать иронико-меланхолическую оценку своим прежним чувствам, играть диалектическим взаимодействием памяти и забвения, воплощая поэтику амбигитивности, отмечает докладчица.

В докладе «“Пароксизмы памяти” европейской культуры через структуру и стиль прозы В.Г. Зебальда» к. филол. н. Е.В. Соколова (ИНИОН РАН) подчеркивает, что Витгенштейновская идея о возвращении языка «домой», от метафизического «к каждодневному употреблению», по-новому зазвучала у В.Г. Зебальда (1944–2001), «единственного немецкого писателя XX в., которому удалось хоть отчасти приблизиться к теме Холокоста» (Й. Хессинг), и подтолкнула его к исследованию (художественными средствами) тех разрушительных

эффектов, которые породило в XX в. лишение некоторых народов Центральной Европы (в первую очередь, евреев) права на «дом». Самым серьезным из таких эффектов Зебальд видит «опустошение памяти», с которым сталкивался повсюду, куда вела его эта безграничная тема, о которой красноречиво умалчивают философские труды самого Витгенштейна, – ибо «о чем невозможно говорить, о том следует молчать».

Докладчица отмечает, что в своей неуверенной, нигде не укорененной, прозе Зебальд как бы заново учится говорить и молчать. Через ее структуру, включающую визуальное измерение, говорит молча или «молчит», продолжая плести одну за другой бесконечные словесные нити, говорящие вроде бы о другом, но так, что «словесная сеть», словно невод, заброшенный в глубины коллективной памяти, неумолимо выносит оттуда к берегам коллективного сознания вытесненных мертвецов и всех, оставленных за бортом нарративами Большой истории.

В докладе Е.И. Колосовой (ИНИОН РАН) «Биография “подлинного” Робина Гуда: реконструкция Джозефа Ритсона» рассматривается образ знаменитого героя средневековых баллад Робина Гуда, представленный в поэтическом собрании английского литератора и антиквара Джозефа Ритсона (1752–1803) «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней об этом знаменитом английском преступнике; которому предшествуют исторические анекдоты из его жизни» (1795). По мнению докладчицы, литератор обнаружил подозрительное, на его взгляд, отсутствие письменных сведений о Робине Гуде как историческом лице и в ходе своего исследования пришел к выводу, что эта лакуна объясняется преднамеренной попыткой религиозных и политических властей уничтожить память о влиятельной сопротивляющейся им силе. Сконструированный Дж. Ритсоном образ прочно укоренился в популярной культуре и по сей день остается востребованным в литературе и кинематографе.

Правовые аспекты проблемы культурной и исторической памяти рассматриваются в докладе к. юр. н. С.И. Коданевой (ИНИОН РАН) «Конституционный обычай как основа политической и правовой культуры Великобритании». Как особенность конституционной системы Великобритании исследователь отмечает отсутствие писаной

конституции в этой стране. Источниками конституционного права наравне с законами являются обычаи и конвенции, формировавшиеся на протяжении многих веков и ставшие отражением политической культуры истеблишмента страны. Эти не юридические, а моральные обязательства до сих пор имеют существенное влияние на политические процессы, происходящие в Королевстве, обеспечивая сочетание гибкости и устойчивости всей системы управления и образуя уникальный феномен правовой культуры. Современные вызовы, такие как Брекзит, в определенный момент, казалось бы, пошатнули многовековые традиции, однако уникальная конституционная система в очередной раз продемонстрировала способность к адаптации, обеспечив разрешение кризисной ситуации через новые институты, основанные на старых традициях, резюмирует докладчица.

Бытованию культурной и исторической памяти в городской среде посвящен доклад д. полит. н. А.В. Митрофановой (Институт социологии ФНИСЦ РАН / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации) и д. филос. н. С.В. Рязановой (Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН) «Места забвения в памяти города». Исследователи осмысливают отражение в городской среде процессов социального забывания и связанного с ними образования т.н. мест забвения (*lieux d'oubli*, по выражению Г. Бейнера). Авторы полагают, что социокультурное забывание представляет собой особую форму памяти о прошлом, которая используется, если общество находится в кризисном состоянии, а память о конкретных исторических событиях может способствовать углублению внутренних расколов или не соответствует нарративу, выбранному в качестве объединяющего. Забывание в докладе рассматривается не столько как последовательная политика исключения из социокультурной памяти фактов или событий, сколько как совокупность социальных микропроцессов, образующих кумулятивный эффект стирания свидетельств о прошлом из городского пространства. В качестве инструмента преодоления социокультурного забывания авторы рассматривают контрмонументальные практики коммеморации, в частности прокладывание в городах реальных и виртуальных туристических маршрутов, позволяющих совместить историческую память с актуальной средой и превращающих вспоминающего субъекта в «шагающий монумент» (термин Т. Шульц). Докладчики приводят несколько примеров мест забвения: территория

гетто (г. Минск), Трубная площадь (г. Москва) в контексте похорон Сталина, а также менее масштабные места забвения и *не-места* в Перми (разрушенные памятники, зоопарк на бывшем Архиерейском кладбище), Магадане (неопознанные человеческие захоронения), Чердыни (отсутствующие мемориалы репрессированных и новомучеников), поселке Большой Соловецкий (вытеснение лагерных построек и включение их в жилой фонд). Подводя итоги, исследователи предполагают, что предложенные методики могут быть использованы для возрождения мест забвения в метафорическом плане, на уровне индивидуальной и коллективной памяти.

Бытованию памяти и повседневности в формах фольклора и устной истории посвящен доклад к. ист. н. Т.С. Чабиевой (ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; МГГЭУ, МГЭУ) «Устная народная история и ее отражение в ингушском фольклоре». Докладчица отметила важность изучения устной народной истории, информирующей о специфике образа жизни и культуры этноса и позволяющей изучать и интерпретировать разнообразные исторические, религиозные, мифологические и бытовые явления народной жизни. Докладчица рассмотрела устную историю и фольклор ингушей, сложившийся как особый вид духовной составляющей автохтонного народа Северо-Восточного Кавказа. В нем получили свое отражение различные этические нормы, философия этноса, мировоззренческие характеристики. В ингушском фольклоре исследовательница отметила роль исторических личностей, которым народ дает свою оценку. Многие легенды содержат в себе повествование о различных военных конфликтах, которые велись на территории проживания ингушей. Ингушский фольклор представлен различными жанрами, среди которых «почетное» место занимают мифы, эпические и лирические песни, легенды и предания, сказки. Множество преданий и рассказов у ингушей посвящены космогоническим сюжетам: мифы о происхождении мира и вселенной. Наибольшую популярность в мифологии ингушей приобрели такие как «Как произошли Солнце, Луна и звезды», «Земля, человек и горы», «Устройство мира», «Центр Земли», «Бог сотворил человека». Следует выделить в ингушском фольклоре роль и место нартского эпоса, герои которого наделены сверхспособностями, имеют полубожественное начало: путешествуют из солнечного мира в мир подземный.

Представленные доклады, конечно, не исчерпывают всего многообразия исследований, апробированных на конференции. Широта и актуальность темы дают возможность организаторам сделать эту конференцию ежегодной.